

УДК 81

К.С. Неустроев

кандидат филологических наук, доцент

Институт финансового контроля и аудита

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЛИЦИТНОСТИ КАК УСЛОВИЯ КОСВЕННОГО ХАРАКТЕРА РЕЧЕВОГО АКТА

**[Neustroev K.S. General characteristics of implication
as a condition of indirect character of the speech act]**

The article is devoted to the research of the peculiarities of the usage of indirect speech acts in the official sphere. It is taken into account two closely connected aspects of object and problem space. It is, firstly, categorial prerequisites of representation in the official sphere of an implication, as sign of the indirect speech act, and, secondly, its multidimensional characteristics. The analysis of the actual material allows to draw a conclusion, that using definite language means supposes two conditions: on the one hand, not to break the general systemacity, on the other, non-standardly represent the significant system relations, to actualize illocutive intentions. So, lack of specially expressed indicator of motivation can be defined as its indirect representation.

Key words: implication, indirect speech act, official communication, illocutiveness, linguapragmatics.

В последние годы в исследованиях деловой коммуникации растет внимание к соотношению между официально-деловой сферой (ОДС) и типами речевых актов. Данная тенденция отвечает более общей установке, характерной для нового этапа лингвистического познания – углубленному анализу функционального плана. В условиях гносеологического выравнивания он требует подкрепления прагматическими характеристиками, поскольку «и сейчас изучен слабее» [2, с. 17]. С этим сопряжено развитие значения термилирующей единицы «функциональный» [7, с. 234]. При этом косвенные речевые акты (т.е. такие, у которых иллокутивный тип не совпадает с действительным коммуникативным намерением) в целом исследованы неравномерно. На материале ОДС, при всей его значимости, они специально не рассматривались; не освещалась, в частности, имплицитность в одном из своих модусов – как принципиальная характеристика исследуемых актов.

Отсюда вытекает правомерная задача – охарактеризовать своеобразие косвенных речевых актов в ОДС. При их анализе опираемся на взаимодополняющие характеристики системы речевых актов. Во-первых, учитываем связь между их успешностью и косвенным характером акта [1, с.133; 10, с. 47]. Во-вторых, специальное внимание уделяем экзерситивности, т.е. побудительности в систематике Дж.Остина. Это намерение взаимодействует, в частности, с аргументацией, объяснением, определяющими экспозитивный акт, и формирует его косвенный характер [11, 60-62]. Систематика экзерситивов, по мнению историков науки, прагмалингвистов, гносеологически показательна для оксфордской школы лингвопрагматики и для векторов лингвистики в целом. Полагаем, что эта актуальность распространяется на косвенные речевые акты, в которых экзерситивность вырастает на базе иных иллокутивных стандартов.

Поставленная задача решается с учетом двух тесно связанных аспектов объектно-проблемного пространства. Это, во-первых, категориальные предпосылки представления в ОДС имплицитности, как признака косвенного речевого акта, и, во-вторых, ее многоаспектная характеристика. Обратимся к первому аспекту исследуемой проблемы – к категориальным предпосылкам представления имплицитности в ОДС. Как показывает исследовательская практика, роль имплицитности в официально-деловой коммуникации обусловлена тремя взаимосвязанными предпосылками. Во-первых, существенна общая значимость категории имплицитности [13, с. 70; 18, с. 101] и аспект ее участия в формировании прагматически производных явлений на основе повышенной емкости невербализованной семантики.

Во-вторых, предпосылкой познавательной имплицитности в современной ситуации служит гносеологическое углубление связей между категориями текста и феноменом дискурса [6, с. 19; 17, с. 565].

В-третьих, этому сопутствует расширение полевой систематики [12, с.120], в том числе на материале коммуникации воздействия [16, с. 240], – последнее особенно укрепляет категориальную основу рассмотрения имплицитности в ОДС.

Подчеркнем также дидактическую ценность, которая актуализирует исследуемый категориальный комплекс: во-первых, в целостной задаче «обучения деловому дискурсу» [9, с. 293], во-вторых, в плане его роли для развития

общих и профессиональных речевых компетенций в условиях новой коммуникативной динамики [15, с. 210; 19, с. 361]. Именно динамическая сторона ОДС побуждает специально уточнить те категориальные аспекты имплицитности, которые закономерно обуславливают ее связь с косвенным характером речевого акта, в частности, с косвенной экзерситивностью.

Категориально допустимое несовпадение, расхождение иллокутивного типа с действительным коммуникативным намерением расширяет систему их соотношений и, следовательно, прагматический потенциал. Ведь для преодоления изначальной иллокутивной закреплённости необходимы специфические преобразования. Они особо примечательны в ОДС, где изначально предполагается полнота соответствия между элементами содержания и элементами выражения. Отмеченную же систему расширений, очевидно, детерминирует именно лингвопрагматическая «установка на определенную реакцию» [10, с. 52]. Возникает усложненное, взаимно-неоднозначное соответствие «иллокутивный тип – коммуникативное намерение». Оно в принципе способно определяться по признаку полноты-неполноты представленности тех или иных знаковых элементов пространства, в том числе прагматически значимых. Наличие-отсутствие некоторого компонента по определению может создавать ряд прагматически дифференцированных высказываний и контекстов.

Здесь представляется целесообразным упомянуть о положении, сформулированным в иной лингвистической традиции – в научной школе И.А. Мельчука: «При упоминании в тексте некоторой ситуации не указываются все обязательные компоненты этой ситуации» [8, с.11]. Данная характеристика принципиально справедлива для прагматической стороны высказываний. Гносеологическая актуальность приведенных обобщений соответствует современной ситуации в науке о языке, когда «...сохраняются и учитываются все предшествующие достижения, обладающие объяснительной силой в рамках новой научной парадигмы» [3, с. 7; 4, с.7-35).

Отметив категориальные предпосылки, как первый аспект, исследуемой проблемы, обратимся ко второму – к характеристике материала. Представительное эмпирическое пространство – англоязычные документы правового и этико-правового характера, регулирующие медийную коммуникацию. В связи с решаемыми задачами проиллюстрируем роль имплицитности в косвен-

ном характере на взаимосвязанных текстах ОДС –The Privacy Act (Закон о конфиденциальности; принят в США в 1974 г., затем вошел в состав Конституции) и кодексах СМИ, инструктивных документах, опирающихся на этот закон, т.е. в данном аспекте вторичных. Специально характеризуются два вторичных документа: Los Angeles Times Ethics Guidelines (Этический кодекс «Лос-Анджелес Таймс») и The Core Purpose of The New York Times Company (Кодекс чести сотрудников «Нью-Йорк Таймс»); последний, в свою очередь, включает более общий документ- Code of the Journalist's ethics. (При использовании фрагментов для иллюстрирования ОДС эти три их источника указываются сокращенно – соответственно А, L, N). Все три официально-деловых документа репрезентативны для выявления связи ОДС с типами речевых актов и при этом ранее не подвергались многомерному анализу.

Первоначально представим одним релевантным примером самоё явление имплицитности как условия косвенного характера речевого акта; а далее охарактеризуем группы материала в соответствии с классификационными признаками.

Представителен следующий пример из источника А:

«The Privacy Act

The Privacy Act of 1974 provides safeguards against invasion of personal privacy through the misuse of records by Federal Agencies.

The Privacy Act was passed in 1974 to establish controls over what personal information is collected, maintained, used and disseminated by agencies in the executive branch of the Federal government.

The Privacy Act guarantees three primary rights:

The right to see records about oneself, subject to Privacy Act exemptions;

The right to request the amendment of records that are not accurate, relevant, timely or complete; and

The right of individuals to be protected against unwarranted invasion of their privacy resulting from the collection, maintenance, use, and disclosure of personal information».

См. перевод (официально фиксированный на сайтах, указанных в списке источников): «Закон о конфиденциальности от 1974 года предусматривает гарантии против вторжения в частную жизнь посредством злоупотребления записей с федеральными ведомствами. Закон о конфиденциальности был принят в 1974 году по установлению контроля над тем, как личная информация, собранная, используется и распространяется на учреждения в исполнительной

ветви федерального правительства. Конфиденциальность Закон гарантирует три основных Права: Право видеть записи о себе, с учетом конфиденциальности Закон исключений; Право требовать изменения записей, которые не являются точными, актуальными, своевременными и полными, и Право отдельных лиц на защиту от необоснованного вторжения в их частную жизнь в результате сбора, хранения, использования и раскрытия личной информации».

В тексте представлен косвенный речевой акт экзерситивного, побудительного характера: официальная ситуация допускает действия, направленные на изменение чего-либо («Право требовать изменения записей, которые не являются точными, актуальными, своевременными и полными»). Формально-прагматической основой служит речевой акт экспозитив, при этом его иллокутивное назначение – объяснение, сообщение – использовано как основа для побуждения, экзерситивной интенции. Наиболее определенно косвенный характер речевого акта связан с имплицитным представлением межсубъектных отношений. См.:

«The right to see records about oneself, subject to Privacy Act exemptions;
The right to request the amendment...».

В незамещенных позициях представлены различные оттенки субъектов в официально-деловых условиях, ср.: *чьё* право, *от кого* требовать.

Показательно. на наш взгляд, системное соединение двух разных способов представления субъекта: в третьей части формулировки он уже эксплицитен, см. выделенную нами форму: *right of individuals*.

В этом взаимодействии имплицитный (препозитивный) и эксплицитный (постпозитивный) способы выражения экзерситивности в косвенном речевом акте подкрепляют друг друга. Усиливается системная значимость каждого в прагмалингвистическом плане.

В приведенном примере проявились, на наш взгляд, два аспекта специфики: как характерная, инвариантная для английского языка регламентирующая определенность в представлении правовых ситуаций, так и показательная для американского варианта прагматическая компактность. Текст закона включает лишь три четко структурированных, не громоздких высказывания (Подобное явление менее характерно для британского варианта ОДС). Эта емкость оставляет относительно широкие лингвопрагматические возможности для функциональной интерпретации. Полагаем, что в

таком соотношении проявляется взаимодействие между инвариантными и вариантными характеристиками английского языка. Это взаимодействие включает два достаточно различных вектора: вытеснение одних вариантов другими и их взаимодополнение. Причем прагматически они, при всём различии, представляют единую системность. Этой системности служат, в частности, вышеотмеченные имплицитные способы представления смыслов. Таким образом, характеристика имплицитности органически соотносится с возможностью формировать косвенный речевой акт.

Уже выполненная характеристика первого эмпирического пространства позволяет предположить взаимную категориальную значимость имплицитности и косвенного речевого акта в ОДС. Здесь можно уточнить положение исследователей о том, что имплицитность определяется в результате тесного взаимодействия факторов трех видов: языковых, речевых, экстралингвистических. Принципиально, что, воспринимая информацию, получатель, адресат «не только “понимает“ ее, но дополняет, исходя из знания реальной ситуации, жизненного опыта, филологического чутья (т.е. исходя из особенностей своего пресуппозиционального пласта)...» [5, с. 39]. В работе [5] также представлена преобразованная версия классификации, впервые предложенная А.В. Бондарко и упоминаемая далее. Следует актуализировать положение о том, что имплицитный смысл становится известным, доступным для адресата сообщения благодаря речемыслительной операции импликации (вывода), извлечения невысказанного из высказанного, то есть из компонентов семантики, представленных в значении материально – языковой формы единиц речи (текста) или их элементов. В данной ситуации можно сделать вывод, что между имплицитными и эксплицитными компонентами семантики текстовых единиц или фрагментов текста существует определенная взаимосвязь, определенный механизм взаимодействия, который обеспечивает информативную полноценность данных отрезков текста. Потому специального внимания заслуживает так называемый имплицитный комплекс и синкретизм экспликации неназванной семантики. В вышеприведенном примере «Закона о конфиденциальности» имплицитным комплексом является сочетание с сигналами незамещенных позиций – right to request. Первое явление, которое допустимо назвать рабочим наименованием «имплицитный комплекс», связано с высокой насыщенностью определенных официально-деловых дискурсов импли-

цитно выраженными значениями. Его упоминают в выше цитированных исследованиях. Он логически закономерен: коль скоро имплицитное значение может выступать само по себе и эксплицитные значения бывают представлены целыми комплексами, цепочками, – уместно полагать наличие имплицитных комплексов. В данном случае уместно, на наш взгляд, говорить о системно-языковой имплицитности, которая, соответственно, обусловлена особенностями системной организации значений в том или ином языке.

Так, А.В. Бондарко системно-языковую имплицитность связывает со степенью актуализации семантики - а именно семантических понятийных категорий, представляющих собой смысловые инварианты высокого уровня обобщения, – аспектуальность, темпоральность, модальность, персональность, локативность, посессивность и т.д. Имеется в виду прежде всего импликация, обусловленная семантической немаркированностью одного из членов привативной оппозиции в структуре грамматической категории. Этому соответствует, на наш взгляд, второе явление исследуемой сферы – синкретизм экспликации неназванной семантики. Такой подход целесообразно соотносить с известными классификациями, наиболее полно освещенными О.И. Реуновой [14], которая ссылается на Б.Д. Хоумера и Дж. Т. Рэмзи. В данной интегральной систематике выделены три формы имплицитности: структурная, функциональная и процедурная. Предложенным вектором категориального анализа подтверждается и ранее намеченная актуальность функционального плана.

Выявленные категориальные предпосылки характеристики материала позволяют остановиться на тех его признаках, в которых раскрывается имплицитная сторона косвенного характера речевого акта. Причем в материале специфически взаимодействуют содержательное наполнение речевого акта и способ его реализации: адресатов (прежде всего журналистов) побуждают соотносить определенным образом имплицитность и эксплицитность в их коммуникации; и это побуждение передается единством импликации и экспликации, а не собственно эксплицитно, «не в лоб». Уже эта показательная особенность намечает системную необходимость косвенного характера акта. Экзерситивная, побудительная интенция в косвенном воплощении оказывается своеобразно укрепленной – своими связями с экспозитивом (в отличие от своего обособленного проявления в прямом речевом акте). При этом побуждение не теряет своей определенности, что подтверждается и используемыми далее приемами субституции.

Оговорим три взаимообусловленных плана характеристики. Первый - маркировка используемого явления в самом речевом акте – т.е. в семантическом наполнении текста используются корреляция имплицитного-эксплицитного. Второй план характеристики материала – системные семантические отношения, взаимодействующие с вышеназванной маркировкой. Третий характерный признак – те способы представления смысловых элементов, которые связаны с имплицитностью.

Отметим первый план характеристики – маркировку используемого явления в самом речевом акте. В наполнении текста используются корреляции имплицитного-эксплицитного. Так, адресат косвенно побуждается к соотнесению полноты-неполноты, эксплицитности-имплицитности. См. выделенные единицы:

«We are committed to informing readers as *completely* as possible; the use of anonymous sources compromises this important value» (L);

«It does not exclude situations or issues giving rise to such conflicts simply because they are not *explicitly* covered within this document, nor does the document or any of its particular provisions create an *implied* or express contract of employment with any individual to whom the guidelines apply» (N).

Причем само побуждение в цепи высказываний выступает как имплицитно выраженное, с чем взаимосвязан косвенный характер акта экзерситива. Опорными для побудительной интенции служат общие прагматические признаки документа, например: «Other Standards of Behavior.

This document embodies basic standards of journalistic conduct applicable across our company» (N).

Признаки экзерситива определяются на базе формально иной, но системно допускающей их модели экспозитива (как и в первом из контекстов, приведенном нами в статье). Пример, приведенный в данном подразделе, выступает как носитель имплицитно выраженного побуждения. Эта интенция подтверждается двумя способами выявления системных связей. Во-первых, с ней соотносятся эксплицитные побуждения, представленные в контексте: «Reporters should try genuinely to understand all points of view» (L). В подобных актах, как представляется, побуждение выражено четко, но они сами по себе лишены той контекстуально-прагматической многомерности, которую обуславливает взаимодействие экспо-

зитивной и экзерситивной интенций в пространстве высказывания. Во-вторых, показательна субституция, системная для побудительных речевых актов и определяемая приемом конструирования. Ср. соответственно приемлемую и неприемлемую для данного акта сочетаемость:

a/ We are committed to informing readers as *completely* as possible/ Try to inform completely.

b/ We are committed to informing readers as *completely* as possible. Try to inform non completely.

Итак, приведенные речевые акты побуждают к действию, они реализуются не для того, чтобы просто сообщить, объяснить (как экспликативы), а чтобы адресат следовал определенной модели поведения (как экзерситивы). Это тоже может быть подтверждено специфической субституцией. Причем прагматический эффект снижается при прямой, эксплицитно «разжеванной» передаче этой интенции (если бы только указывали: «Не смейте...»).

Второй план характеристики материала – те системные семантические отношения, которые взаимодействуют с вышеназванной маркировкой имплицитности-эксплицитности, неполноты-полноты представления информации. Таковы единицы, передающие те или иные грани имплицитности. Им служат, например, следующие ряды в двух источниках, L и N, как особом единстве, конкретизирующем побудительные интенции более общего документа A: privacy – the private opinions – anonymity – anonymous – willing to be named – unnamed sources – anonymous sources; always question sources' motives before promising anonymity – unnamed source should have a compelling reason for insisting on anonymity - they will not be named.

См. контекст: «... anonymity is routinely sought and casually granted. We stand against that practice and seek to minimize it. We are committed to informing readers as completely as possible; the use of anonymous sources compromises this important value (L).

Для подтверждения побудительной интенции отметим две особенности. Во-первых, хотя иллюкутивной опорой является модель речевого акта экспликатива, объяснения, но объяснение конкретизируется именно как установка действовать определенным образом, причем в отношении полноты информации или же ее имплицитного представления. Таким образом речевой акт определяется как косвенно представленный экзерситив. Соот-

ветствующий комплекс *willing to be named* представляет именно желаемые действия, а не ограничивается объяснением ситуации. Эта системная связь поддерживается второй особенностью: представленный речевой акт обладает такой субституцией, которая принципиальна именно для побуждения. Для такого речевого акта системна сочетаемость с характеристикой вполне определенного побуждения, но не наоборот. Ср. конструируемую сочетаемость, системно допустимую в данном контексте и определяемую побудительной интенцией: “*They will not be named. Try to unname it*”. Эта системно детерминированная сочетаемость вступает в отношения семантико-прагматической противоположности с неприемлемой сочетаемостью – ср.: “*They will not be named. Try to name it/Make it as you want...*”. Именно специфика косвенного побуждения, с участием имплицитности, оказывается в подобной деловой коммуникации прагматически закреплённой.

Третий характерный признак, соотносимый с ранее указанными двумя, – это те способы представления смысловых элементов, которые связаны с имплицитностью. Наиболее значим ряд, в котором коррелируют три способа представления: эксплицитное представление прагматически релевантного смысла, формально соотносимое с ним имплицитное и иное, ассоциативно связанное с ними. Например: *Los Angeles Times – The Times – newspaper, paper*. См. следующий контекст:

«The goal of the Los Angeles Times is to publish a newspaper of the highest quality. This requires The Times to be, above all else, a principled newspaper. Making it so is the responsibility of every staff member. In deed and in appearance, journalists at The Times must keep themselves – and the newspaper – above reproach. The ways a newspaper can discredit itself are beyond calculation; these guidelines do not purport to cover them all. The standards outlined here apply to all editorial employees and to all work they produce for The Times, whether it appears in print, on television or on the Web. When uncertainty arises about the application of these guidelines, the primary goal always should be to protect the paper’s integrity

CONTENT Fairness

A fair-minded reader of Times news coverage should not be able to discern the private opinions of those who contributed to that coverage, or to infer that the newspaper is promoting any agenda».

Сила имплицитности ярко проявляется во фрагментах, где используется наименование Times, означающее Los Angeles Times. То же наблюдается в документе другой газеты, N. Многоплановая имплицитная единица четко отграничивается от одноименного названия британской газеты – благодаря системному характеру имплицитности, служащей косвенному побуждению. Это обеспечено единством системных отношений: родо-видовых (гипо-гиперонимических), ассоциативных, ассоциативно-деривационных. В результате определяется генерализация смысла, связанная со спецификой косвенного речевого акта побуждения, оригинально и закономерно взаимодействующая с конкретизацией. Такое, специфически богатое, сочетание смыслов не характерно ни для эксплицитного выражения, ни для прямых речевых актов. В ОДС такие ряды регулярны, обладают свойствами модели. В этой регулярности проявляется значимость имплицитности как условия косвенного речевого акта: именно она позволяет соединить необходимую интенцию побуждения и ее обоснование,

Рассмотрение двух аспектов объектно-проблемного пространства дает основания для следующих итоговых обобщений, отражающих связь «ОДС – косвенный речевой акт – имплицитность». Во-первых, необходимость оптимизировать официально с неизбежностью влечет за собой использование средств, отвечающим двум условиям. Они, с одной стороны, не нарушают ее общую системность, но, с другой, в то же время нестандартно представляют значимые системные отношения, актуализируют иллюкутивные намерения. Так, отсутствие специально выраженного показателя экзерситивности (побуждения) может определяться как его косвенная представленность. Во-вторых, при этом в ОДС углубленно раскрывается потенциал имплицитности; и именно имплицитность, в свою очередь, многомерно служит разворачиванию речевых актов в деловой коммуникации, а также способность создавать такие связи, которых ранее те или иные единицы языка и речи не имели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аганова С.Г.* О некоторых условиях успешности диалога // Филология и журналистика: центробежное притяжение. Краснодар, 2014. Ч.1.
2. *Алматов В.М.* Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3.

3. *Всеволодова М.В.* Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // Вестник МГУ. Сер.9: Филология. 2010. № 2.
4. *Всеволодова М.В.* Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестник МГУ. Сер.9: Филология. 2012. № 2.
5. *Исаева Л.А.* Лингвистический анализ художественного текста: проблемы интерпретации скрытых смыслов. Краснодар, 2007.
6. *Колесов В.В.* Концептуальный анализ текста // Мир языковых форм. СПб., 2015.
7. *Корниевская Т.В.* Термин как объект исследования в лингвистике // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. № 5. Ч.1.
8. *Леонтьева Н.Н.* Семантический анализ и смысловая неполнота текста: Дис. ... канд.филол.наук. М., 1968.
9. *Лесневска Д.С.* Обучение межкультурному деловому дискурсу в теории и практике преподавания РКИ в болгарских неязыковых вузах // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2014.
10. *Маслова В.А.* Введение в прагмалингвистику. М., 2007.
11. *Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И.* Основы прагмалингвистики. М., 2013.
12. *Медоян С.Б.* Кластерный анализ эмотивного поля // Вестник ПГЛУ. 2015. №2.
13. *Никитина Е.И.* Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. 2013. № 2.
14. *Реунова О.И.* Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск, 2006.
15. *Солдатова Н.В.* Лингвообразование студентов юридических специальностей: дискурсивная компетенция // Личность, речь и юридическая практика. Ростов н/Д, 2015.
16. *Сухих С.А.* Коммуникация воздействия // Язык. Личность. Культура. Краснодар, 2015.
17. *Усманова А.Р.* Текст // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2011.
18. *Харченко В.К.* Белые пятна на карте современной лингвистики. М., 2008.
19. *Целых М.П.* Профессиональный дискурс консультирования // Язык и речь в синхронии и диахронии. Ч.2. Ростов н/Д; Таганрог, 2015.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА :

1. The Privacy Act // [http:// www.spj.org](http://www.spj.org) Дата обращения 2.06.2015.
Официальный русский перевод: Закон о конфиденциальности // сайт Фонда защиты гласности РФ: www.gdf.ru Дата обращения 2.06.2015
2. Los Angeles Times Ethics Guidelines // [http:// www.spj.org](http://www.spj.org) Дата обращения 28.05.2015.
Официальный русский перевод: Этический кодекс «Лос-Анджелес Таймс») // сайт Фонда защиты гласности РФ: www.gdf.ru Дата обращения 28.05.2015.
3. The Core Purpose of The New York Times Company // [http:// www.spj.org](http://www.spj.org) Дата обращения 29.05.2015.
Официальный русский перевод: Кодекс чести сотрудников «Нью-Йорк Таймс» // сайт Фонда защиты гласности РФ: www.gdf.ru Дата обращения 29.05.2015.

REFERENCES

1. *Agarova S.G.* Some conditions for the success of the dialogue // Journal of Philology: centrifugal attraction. Krasnodar, 2014. Part 1.
2. *Alpatov V.M.* What and how is studying linguistics // Problems. Linguistics. 2015. № 3.
3. *Vsevolodova M.V.* Language and its place in the universe. On the question of the actual gram-neu- // Vestnik MGU. Ser.9: Philology. 2010. № 2.
4. *Vsevolodova M.V.* The phrase in the new paradigm of grammar // Vestnik MGU. Ser.9: Philology. 2012. № 2.
5. *Isayeva L.A.* Linguistic analysis of literary text: the problem of interpretation hidden meanings. Krasnodar, 2007.
6. *Kolesov V.V.* Conceptual analysis of the text // World of linguistic forms. SPb., 2015.
7. *Kornievskaya T.V.* The term as an object of study in linguistics // Historical and socio-educational thought. 2015. Volume 7. № 5. Part 1.

8. *Leontiev N.* Semantic analysis and semantic incompleteness of the text: Dis.... Cand.of philology. M., 1968.
9. *Lesnevskaya D.S.* Education intercultural business discourse in the theory and practical teaching trials in non-language Bulgarian universities // Stereotypical and Creation in the text. Perm, 2014.
10. *Maslova V.A.* Introduction to pragmalinguistics. Moscow, 2007.
11. *Matveeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I.* Basic pragmalinguistics. M., 2013.
12. *Medoyan S.B.* Cluster analysis emotive field // Bulletin PSLU. 2015. № 2.
13. *Nikitin E.I.* Subjectivity and perceptual mode of zeros (the question of the terms category evidentiality in Russian) // Questions of linguistics. 2013. № 2.
14. *Reunova O.I.* Ellipsis as a linguistic phenomenon. Pyatigorsk, 2006.
15. *Soldatov N.V.* Linguistic education of students of legal specialties: discursive competence // Personality, speech, and the practice of law. Rostov-on-Don, 2015.
16. *Sukhikh S.A.* Communication exposure // Language. Personality. Culture. Krasnodar, 2015.
17. *Usmanov A.R.* Text of Postmodernism: Encyclopedia. Minsk, 2011.
18. *Kharchenko V.K.* White spots on the map of modern linguistics. Moscow, 2008.
19. *Tselykh M.P.* Professional counseling discourse // Language and speech in a synchronous and diachronic. Part2. Rostov-on-Don; Taganrog, 2015.

31 октября 2015 г.
